

Н.В.Брусилова

Карма¹

В вагоне тихо, только внешняя стукотня и грохот нарушают полную тишину.

Елена Михайловна сидит неподвижно в своем углу, у окна, и, не отрывая глаз, следит за белыми клубами пара, несущегося от локомотива и цепляющегося за ветки деревьев и кустов. Телеграфные столбы так и мелькают пред глазами. Настроение духа этой немолодой девушки смутно: она будто выброшена из обычной колеи, будто чем-то очень смущена, не может найти точки опоры у себя в душе и притихла, будто нравственно вся съежилась.

В другом конце вагона сидят немцы, немки и какой-то поляк, судя по акценту, а прямо против нее – высокий, плотно сложенный, уже пожилой, но удивительно красивый соотечественник.

Они встретились еще во Франции, а теперь уже приближаются к русской границе. У обоих путешественников много седых волос серебрится в густых волосах. Но кожа и блеск глаз и ровные белые зубы борются с временем и не хотят ему сдаться.

Они встретились случайно, как это часто бывает за границей, и разговорились. Он оказал ей какую-то услугу, она поблагодарила... Но потом устала благодарить: так много пришлось ему оказывать ей услуг в дороге... Она только ласково улыбается ему, и глаза ее светятся благодарностью уж сразу за все.

«Где я видел ее и почему лицо ее мне так близко? Кого мне напоминают ее голос, ее глаза? Что связано с этими чертами у меня в прошлом? Почему мне так жутко, тоскливо и больно стало при виде ее? И почему мне так захотелось ей услужить, помочь, оградить ее от хлопот и беспокойства?»

И действительно, Николай Николаевич Брянцев мог задать себе эти вопросы. Он доживал свой пятый десяток, и ему никогда не случалось в его многочисленных путешествиях по всему миру обратить в пути на кого-нибудь серьезное внимание. Он так апатичен, так горд и даже высокомерен, так все ему надоело, так много красавиц перевидал он на своем веку, а это тонкое, бледное, грустное личико не стоит никакого внимания в сравнении с теми. Но что приковало его к ней с первого же взгляда? Он, сдержанный, холодный, спокойный человек, как мальчишка, пришил себя в течение четырехдневного совместного путешествия к совершенно ему незнакомой женщине, к довершению всего «старой деве», как выяснилось из разговора. И что «смешнее» и «курьезнее» всего – это то, что он не мог отвязаться от мыслей об этой *старой деве*, и чувствовал, что сердце его стонет и больно сжимается с приближением русской границы... Скоро, скоро уж конец пути... а там разлука.

Он задумчиво курил и смотрел на нее временами подолгу, смущая ее своими пристальными взглядами...

Он давно не был в России. В его молодых годах разыгралась большая драма, и он бежал из России подальше топить горе в волнах океанов и морей, по которым носился без устали, рассеивать тяжкие мысли и воспоминания по ветру чужих, далеких стран, отдаваться впечатлениям, способным хотя бы на мгновение отвлечь его от того далекого, тяжелого времени...

Как ни странно это совпадение, но почти то же случилось в жизни его спутницы, но он этого, конечно, не знал. Он знал только то, что она ему сказала о себе... Она возвращается на родину после пятнадцати лет отсутствия. Она была гувернанткой в богатой аристократической семье, жившей на юге Франции и в Париже и в приморских курортах, смотря по времени года. Теперь ее питомица, девятнадцатилетняя княжна Зиночка, вышла замуж, а она поехала на родину «поклониться родным могилам», по ее собственному выражению.

Публикуется по: *Желиховская Н.* Женские рассказы. М., 1904.

Брусилова Надежда Владимировна (урожд. Желиховская, 1864–1938) – писательница, общественная деятельница, дочь писательницы В.П.Желиховской, с 1910 г. жена военачальника А.А.Брусилова.

¹ Карма у индусов значит закон возмездия. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*

– Что же вы будете делать в России, если у вас там одни могилы остались?

– Да я не засижусь там. Зина взяла с меня слово, что я вернусь к ней. Ведь эта взбалмошная головка без меня, как без рук. Поверьте, и в замужестве она без меня не обойдется. Слишком мы привязаны друг к другу, и она привыкла во всем на меня полагаться. Из гувернантки превращусь в компаньонку и буду вести ее «дом» и держать его на высоте должного величия... Да так и доживу свою жизнь. Что качаете головой? Я ее люблю и для меня это не в тягость.

– Верю, что любите и что вам не в тягость. Но за что же ваша личная жизнь пропадает?

Елена Михайловна побледнела при этом неожиданном вопросе.

«Да, за что моя жизнь пропадает? – пронеслось у нее голове. – Да и пропадает ли она, впрочем? Отчего у людей такие странные понятия: не вышла девушка замуж, так, значит, жизнь загублена?! Я живу в холе да доле среди людей, меня любящих и которых сама горячо люблю... Вот жизнь брата Володи так и впрямь загублена!.. И за что? О, Господи, за что?!»

Одна за другую мысли мелькали у нее в голове, но при последней она так тяжело вздохнула, такое глубокое отчаяние мелькнуло в ее глазах и на побледневшем лице, что Брянцев выбралил себя мысленно, решив, что коснулся слишком большой струны ее сердца.

– Время обедать, придумаем-ка, что мы будем есть? – поспешил он переменить разговор, нажимая пуговку звонка в буфет.

II

Тихо в вагоне. Ночь. Луна серебрит поля и луга, но взрытая земля их и одинокие березки или рощицы не красивы, несмотря на все желание лунных лучей посеребрить их и украсить.

Уже Россия. Граница осталась позади.

Елена Михайловна смотрит прямо в глаза своему спутнику: «Что он говорит? Что это – сон или явь?»

– Мне сорок девять лет, Елена Михайловна, а тяжело жить одному в такие годы. Верите ли, я всегда был уверен, что если женюсь, то внезапно, накануне не буду знать, что завтра повенчаюсь... Мне объясняться в любви смешно, но скажу вам правду, что никогда в жизни со мной ничего подобного не было, это именно *coup de foudre*²! Меня влечет к вам несказанно, и при одной мысли, что завтра мы должны расстаться, меня бросает в холодный ужас... А вам, скажите, зачем управлять чужим домом, если можно иметь свой собственный?.. Протяните мне руки, если хотя сколько-нибудь я вам симпатичен, берите себе и меня, и все, что я имею.

И она, будто загипнотизированная его ласковым голосом, его великолепными синими глазами, протянула ему руку, чувствуя, как неведомое до сих пор счастье широкой, горячей волной хлынуло ей в душу.

Но через несколько мгновений вдруг они оба весело рассмеялись.

– Жених и невеста, которые даже не знают фамилии друг друга! Это, вероятно, первый случай в летописях брачных историй! – воскликнул Николай Николаевич, угадав ее мысль.

И они продолжали весело смеяться.

III

Елена Михайловна Ходоровская рано осиротела. Ей было всего шестнадцать лет, когда она, переступив порог института, взглянула на свет Божий об руку с братом Владимиром. Он был в то время красивый, прелестный юноша, на которого заглядывались все ее институтские подруги и даже классные дамы. После его визитов к ней в приемные дни ее особенно жарко целовали подруги, очевидно потому, что она была удивительно похожа на брата.

И зажили они трудовой, счастливою жизнью. Брат был для нее божеством, опорой, другом и смыслом и радостью всей ее молодой жизни.

Поселились они в маленькой квартирке на Васильевском острове. Светло и радостно было в их чистеньких комнатках. К тому времени, что Володя возвращался с лекций из университета, она

² любовь с первого взгляда (*фр.*).

уже кончала свои частные уроки, успевала заняться хозяйством, приготовить все к обеду и прислушивалась к его быстрым шагам по лестнице, чтобы до звонка отворить ему двери.

– Ну, право же, Леночка, я тебя на охоту буду брать, у тебя чутье и слух лучше, чему у Гектора! – смеялся в таких случаях Владимир, крепко целуя сестру.

Далекое, счастливое время! Леночка зарабатывала до сорока рублей в месяц уроками и переводами. Владимир тоже не дремал, хотя у него очень мало было свободного времени. Их благосостояние выручала стипендия да крохотные проценты с нескольких билетов, завещанных Лене ее крестною матерью на приданое на случай замужества. В общем они имели около полутора ста рублей в месяц, и не только что были сыты и довольны, но даже в концерты, в оперу и в Александринку³ иной раз хаживали. И, Боже мой, что за восторг, что за радость были в такие дни! Владимир еще издали показывал Лене зеленые билетки, и она стремглав бросалась ему на шею; восторгу ее не было пределов, и на этот день, и на другой, и на целую неделю вперед хватало восторгов, разговоров и воспоминаний об игре или о пении того или другого любимого артиста или артистки. Посещались и серьезные лекции в Соляном городке⁴, и картинные выставки, и собирались в дружеской беседе за стаканом чая с бубликами и колбасой по вечерам у Владимира его два-три товарища. Все они, конечно, втайне благоговели перед прелестной сестрой его. Время шло так счастливо, так ясно в простоте и сердечности их занятой жизни, что, казалось, не нарадоваться бы брату и сестре на мир Божий и добрых людей, их окружающих.

Горе нахлынуло сразу, неожиданно-негаданно. Это был какой-то нелепый, стихийный, бессмысленный случай, разбивший всю жизнь сестры и совершенно сгубивший брата.

IV

В один из ясных, морозных январских деньков Владимир вернулся домой далеко после восьми часов вечера и прошел прямо в комнату сестры:

– Прости меня, Леночка, что я запоздал. Заждалась с обедом? Я не мог предупредить, все это так внезапно вышло...

Лицо у брата было очень оживлено, глаза блестели лихорадочно, он торопился говорить, и какое-то странное смущение чувствовалось в его голосе, тоне и манерах.

– Что случилось, Володя?

– Да вздор! Не могу же я сидеть пришилленный к твоей юбке, ведь я не девица красная. Приехал Юхвецкий, ты знаешь, как он богат, пригласил нескольких товарищей по гимназии пообедать с ним в ресторане... Ну и кутнули!.. А теперь еще во французский маскарад тянет. Я дал слово, что поеду, – сконфуженно закончил он.

– Да, конечно, поезжай. Смешно же тебе каким-то затворником жить около меня. Ведь ты не институтка! – подхватила сестра, чтобы ободрить смущенного брата.

Он крепко ее поцеловал.

– Вот отдохну немного до одиннадцати часов, а ты мне рубашку крахмальную приготовь, Ленушка. Мне и самому интересно, что это за штука такая маскарад. Ведь я никогда в жизни ничего подобного не видал...

– Еще был не интересно, Володя!

И Лена торопливо стала приготавливать все для такого необыкновенного выезда брата: почистила мундир, достала из комода чистую рубашку и носовой платок, вынесла на кухню новые, два раза надеванные ботинки и тихо, боясь разбудить Володю, попросила добродушную чухонку-кухарку как можно лучше их почистить.

– Владимир Михайлович едет на французский бал! – с гордостью сообщила она ей. И чухонка, хотя и ничего не поняла, куда именно едет барин, но с жаром начала поплевывать на щетку с ваксой и размахивать ею, неистово теребя ботинки и рассекая воздух локтями.

³ Александринский драматический театр в Петербурге.

⁴ Соляной городок – комплекс зданий в центре Санкт-Петербурга, где в большой зале Педагогического музея, читались публичные лекции, проводились общедоступные концерты.

Все эти мелочи, весь этот вечер на всю жизнь запомнились Лене. Если б она могла предвидеть, куда она снаряжает Владимира и какие последствия будут от этого первого элегантно выезда в свет ее кумира, ее радости жизни, ее неоцененного брата и друга!

На этом маскараде случилось какое-то глупое, необъяснимое, внезапное недоразумение между студентами и какими-то офицерами и статскими молодыми людьми. Тут были замешаны, конечно, и маски.

Какой-то красивый высокий брюнет заносчиво бросил свою визитную карточку группе студентов.

– Хотя бы со всей вашей ватагой мне пришлось драться, я все-таки вам скажу, что вы дерзкие мальчишки...

Владимир стоял ближе всех, и карточка, сделав несколько зигзагов, опустилась ему на плечо...

На другое утро Лена с нетерпением ждала Володю к чаю, чтобы послушать его рассказов и впечатлений от вчерашнего вечера, но он ушел так рано из дому, что она потеряла голову и уж начинала беспокоиться. Она смутно помнила, что Володя за чем-то входил в ее комнату на рассвете. Она проснулась от его пристального взгляда, но сейчас же опять заснула. Теперь, вспоминая это, сердце ее билось от непонятной тревоги. «Зачем Володе понадобилось взглянуть на нее, что потянуло его к ней в такой ранний час и где он теперь?»

В передней вдруг раздался звонок, но она не бросилась сама к двери, ноги ее были налиты свинцом и она не двигалась с места. Она не сводила глаз с дверей и будто окаменела вся.

Прежде всего ее поразили топотня и шум нескольких человек. В комнату первым вошел Юхвецкий.

– Елена Михайловна, крепитесь, возьмите себя в руки, случилось большое несчастье: Володя ранен.

И она послушалась его, взяла себя в руки и ни одним стоном не нарушила тишины.

Люди внесли ее брата в комнату, положили на кровать. Доктор и товарищи его всем распорядились, а она подошла к нему и взяла его руку. Ворот рубашки был отвернут, красные пятна на ней... Его бледное лицо и губы, задумчивые, будто вдаль глядящие глаза сразу сказали ей, что это такое. Но он еще дышал и даже ее узнал.

– Прости, Ленушка, прости меня... Они расскажут тебе... Я не виноват, бедняжка ты моя...

– Молчите, молчите, вам нельзя говорить, – запротестовал доктор. – Поправитесь, тогда и расскажите все сами сестре.

Но он не поправился.

Глупый случай, несправедливая вспышка, взаимная дерзость... а человека нет.

«Убили ни за что, отняли у нее любимого брата, единственного друга на земле... И люди думают, что они правы, так своевольно, эгоистично защищая свои призрачные понятия о чести? Лишить ее ее счастья и опоры, ее брата Володи!.. Люди думают, что они правы, так поступая! Так что же это такое и где и в чем ей искать защиты?!»

Она дни и ночи сидела у изголовья умирающего брата и думала, думала без конца. Она вымаливала у Провидения проклятий на голову убийцы. Ей сказали его фамилию, она знала, кого она так беспощадно проклинаяет, кого она могла бы убить, истерзать самыми злыми пытками, без сожаления мстя за страдания брата... Когда он умер и его снесли на кладбище, она пошла искать по городу убийцу его, но в исступлении своем, граничащим с сумасшествием, обессилела и ее подобрали в обмороке на улице и свезли в ближайшую частную больницу. Там ее разыскали Юхвецкий и другие товарищи брата. Они привели все дела их в порядок, сберегли вещи и бумаги, рассказали обо всем княгине Алябевой, стоявшей во главе частной больницы, в которую попала несчастная девушка. Княгиня приняла в ней горячее участие и по выздоровлении ее поместила ее в дом своего племянника, у которого была тогда четырехлетняя крошка-девочка. Елену Михайловну, после того как она с трудом медленно поправилась от своей нервной горячки, увезли за границу в качестве гувернантки при маленькой княжне Зине.

И вот пятнадцать лет она не возвращалась в Россию, пятнадцать лет прошло с тех пор, но ненависть, глубокая, отчаянная, беспросветная ненависть, мучила по-прежнему ее душу.

Обыкновенно добрая, сердечная, спокойная и кроткая, она бледнела при одном имени человека, убившего ее брата, и в глаза ее появлялись огоньки, «как у бешеного волка», по выражению князя, отца Зины.

– Не надо никогда касаться этого вопроса, это может окончательно погубить твою любимицу, – говорил он жене. – Это ведь ее пункт, и внезапное острое помешательство весьма возможно...

И в доме было строжайше запрещено произносить его фамилию и говорить о каких бы то ни было дуэлях.

V

В вагоне тихо. Кондуктор только что прошел по коридору, а Николай Николаевич и Елена Михайловна должны были отойти вглубь купе, чтобы дать ему место пройти. Луна по-прежнему серебрит бесконечные поля и луга, поселки и деревеньки литовских бедняков. Монотонный грохот колес и свистки паровоза только снаружи нарушают тишину лунной ночи, и в этом грохоте и шуме будто бы злой хохот заглушает чей-то страдальческий одинокий вопль, но внутри вагона тишина. Самые сокровенные мечты, самые лучшие сердечные чувства светятся в глазах двух путешественников.

Одинокие, исстрадавшиеся души решили придти на помощь друг другу, скрасить остаток жизни любовью и лаской и заботой друг о друге.

– Так все же на всякий случай скажите мне, кто вы такой? – весело смеялась Елена Михайловна Ходоровская, а жених ее ласково гладил ее руки и заглядывал ей в глаза, будто стараясь проникнуть в ее душу, узнать ее всю, без утайки, и заморозить своею беспредельною, внезапно вспыхнувшую позднюю любовью.

– Кто я такой? Меня зовут Николай Николаевич...

– Это я знаю, а дальше?

– Брянцев, художник Брянцев, имею честь отрекомендоваться своей дорогой невесте, а теперь я хотел бы знать и ее фамилию!.. – ласково шутил он, улыбаясь и продолжая держать ее руку в своей.

Но вдруг рука эта стала как лед холодна, лицо Елены Михайловны побледнело, а глаза странно расширились.

– Что с вами? Вам дурно?

– Да, да. Оставьте меня, постойте, погодите, сейчас скажу, сейчас!.. – несвязно говорила она упавшим, едва слышным голосом, очевидно сама себе не отдавая отчета в том, что говорит.

А он, вглядываясь в ее побледневшие черты, растерянно соображал: «Кого? Кого она мне напоминает, где я видел это бледное лицо, эти блуждающие глаза, эти белые губы?»

И внезапно его осенило воспоминание, перед глазами его пронеслась картина, всю жизнь его преследовавшая: белая снежная поляна, несколько сосен и группа студентов, склонившихся над своим раненым другом... «Вот это лицо, вот оно».

– Господи! Боже мой! Вы?! Вы Елена Михайловна, вы Ходоровская? Вы сестра его? Вы сестра Владимира Михайловича Ходоровского, которого я так безжалостно, бессмысленно убил?!

Елена Михайловна порывисто привстала с дивана и отчаянно замахал руками.

– Замолчите! Не надо говорить, ради Бога, об этом не надо говорить... Уйдите, оставьте меня, ради Бога, ради Господа Бога, оставьте меня!.. – закричала она.

И припадок сильнейшей истерики забил ее, разрывая ей грудь нечеловеческими, глухими стонами.

– Если есть в поезде доктор, скорее сюда! – сказал Брянцев кондуктору, бросившемуся к ним в купе на страшный крик Елены Михайловны, а затем он бессильно опустился на противоположный диван и, свесив голову, стиснул ее обеими руками.

«Вот оно искупление! И люди скажут, что эта встреча – *случай!* Зачем? За что я убил этого юношу, ничем предо мною не виноватого?»

Он сидел неподвижно, сам похожий на мертвеца, а несчастная девушка металась в забытьи возле него...

VI

Большой город. Первый русский большой город. Обер-кондуктор, доктор и еще кто-то вошли в вагон.

– Надо получить ее багаж, забрать все вещи и поместить больную в лучшую больницу. За все будет заплачено. Видите, она в беспамятстве. Должно быть, нервная горячка!.. – распорядился Брянцев, сам внутренне поражаясь своему наружному спокойствию и своей рассудительности.

VII

Прошло несколько месяцев. Елена Михайловна болела долго и трудно поправлялась, и чем больше возвращались к ней силы физические, тем яснее становилось, что бред ее не покидает, что страшная болезнь унесла с собой ее разум. Тихое помешательство Елены Михайловны стало всем очевидно.

При первой возможности князя Алябьевы ее перевезли к себе, на юг Франции. Княгиня сама приезжала за ней в Россию, получив отчаянную телеграмму от Брянцева. Она была все время окружена заботами и ласками и в безумии своем была спокойна. Молоденькая ее воспитанница не могла себе простить того, что в вихре светских развлечений и своего медового месяца она упустила из виду хрупкость здоровья Елены Михайловны и отпустила ее одну в Россию, последствием чего была эта ужасная встреча и болезнь.

Но Елена Михайловна была счастлива. На бледном, исхудалом лице ее все время блуждала улыбка, и говорила она только о брате и о Брянцеве как о лучших друзьях своих. Она уверяла княгиню, что постоянно видится с ними, говорила, что брат ее простил Брянцева, что они теперь друзья.

– Володя доказал мне, что счастье земное только в чистоте совести и что надо платить за зло добром, что дружба и любовь только тогда и могут быть освящены свыше, если все взаимное вольное и невольное зло забыть, все прощено... Вот в следующий раз, как Брянцев приедет и Володя выйдет из своей комнаты, я непременно их вам представлю, княгиня! Мне так обидно, что вы все до сих пор с ними незнакомы. Какая странная случайность!..

Княгиня слушала и никогда не противоречила ей. В ее присутствии все друзья ее улыбались и были веселы, и только переступая порог ее комнаты, давали волю слезам и горю.

Больше полугода спустя после болезни Елены Михайловны княгиня Алябьева получила письмо с далекого востока. «Ницца. Вилла княгини Альбьевой» – стояло на конверте. А внутри большой лист тонкой бумаги, мелко исписанный со всех сторон.

Цейлон, 13/26 августа.

«Княгиня, вы будете удивлены моему письму, но мне некому больше писать, не с кем поговорить, некого спросить о ней. Я бежал вторично на край света, зная, что не смею быть у нее изголовья, что не мое там место, потому что я – убийца ее брата, я боялся своим присутствием окончательно убить и ее. Но не зная ничего о Елене Михайловне, об исходе ее болезни я не в силах. Первое время я не помнил себя от горя, теперь я спокойнее, потому что мне постоянно снятся они оба: и брат ее, и она. Они говорят мне, что я прощен, что они любят меня, что они лучшие друзья мои. Меня преследуют эти сны, и я протягиваю к вам руки за помощью, за действительной, а не призрачной весточкой. Эти сны лечат мою душу, но если это только сны?! Нет, нет, не может быть... Княгиня, я не знаю вас, но вся ваша семья рукою Провидения была поставлена на пути ее в то самое время, когда я убил ее брата, и я считаю вас всех близкими мне людьми. Знаете ли вы, что я бессмысленный прожигатель жизни, я заносчивый, бессердечный материалист; да этого мало – не только что материалист, но атеист в самом мрачном смысле этого слова; я, убив этого ничем неповинного передо мною юношу, взглянув в его умирающие, почти потухшие глаза, на его бледное лицо, унес с собою это лицо на всю жизнь, унес его в сердце своем, и он, брат ее, убитый мною, смягчил мое сердце, разбудил душу и разум во мне. Он

потянул меня за собою и стал будто посредником между мною и небом, раскрывая все больше и больше мое заблуждение и рассеивая мрак души мой, увлекая за собою к свету и смыслу и великому значению всего происшедшего. «Не для праведников пришел я в мир, а для грешников»⁵, – говорил Христос, а этот юноша и сестра его, должно быть, праведники! Меня же надо было спасать и излечивать, и они были назначены для этого. Чтобы излечить мрачную душу одного грешника, надо много жертв на земле, но жертвы эти на небе – ангелы, и целые сонмы их летят на помощь таким несчастным, как я. Искупление того, что я сделал, в страданиях моих. Я теперь это знаю и верю этому. Вы не можете предположить, что я схожу с ума. Нет, я убежден, что мы с вами говорим одним понятным нам языком. Разве вы можете не признать, что я ее встретил и полюбил по предопределению свыше? А толпа пусть считает меня ненормальным, мне это все равно. На языке толпы в Европе это все *случай*, а по верованиям индусов это моя *карма*. Напишите мне об Елене Михайловне, неужто я вторично убийца?

Я живу отшельником и весь погружен в старые, прежде для меня непонятные книги древней Индии. Они полны мудрости и блага. О, если бы все люди знали, как я теперь это знаю, что они будут наказаны тут же, на земле, за все подлости и преступления, ими сотворенные, что “карма” их всюду и везде найдет.

Николай Брянцев».

⁵ «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мк. 2, 17).